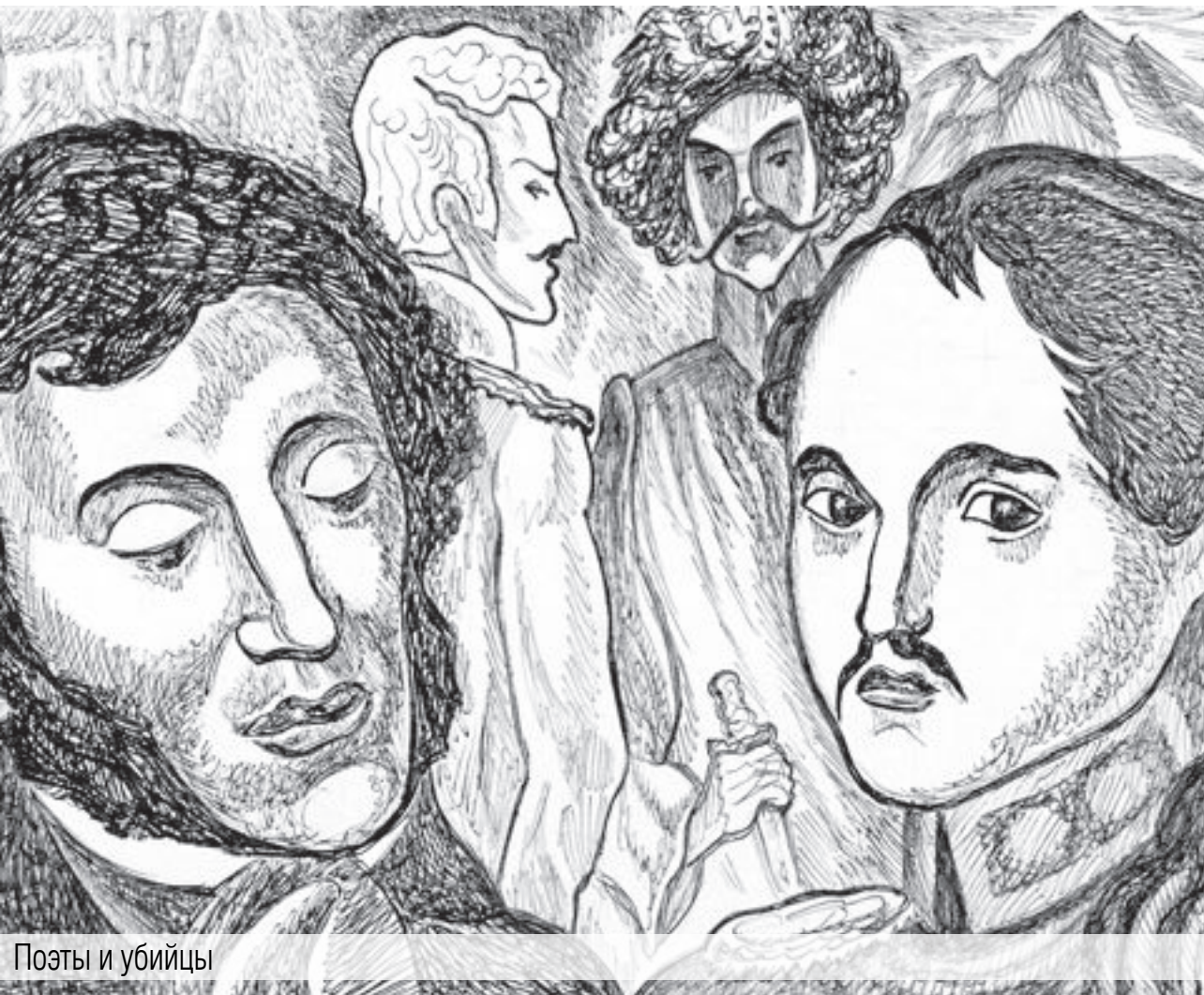

▶ ПОЭЗИЯ ДУШИ | Этюды к 200-летию М. Ю. Л.

Поэты и убийцы

Валерик и Казбек

По лермонтовскому следу

ВЛАДИСЛАВ АРИСТОВ

Продолжение.
Начало в № 107, 119

Не сомневаюсь, проживи Лермонтов долую, как Лев Толстой, жизнь, монументальное произведение о кавказской войне было бы написано.

Исповедальное свидание

Но вернёмся к «Валерику». Вот поэт наблюдает, как стаскивают в кучу тела убитых, рождается поразительное исповедальное признание:

*... Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашёл в душе своей
Я сожаленья, ни печали.*

Поэт ещё больше отстраняется от войны, появляется панорамная строка: «Тревоги дикие войны...»

И, наконец, взор поэта воспаряет над «окрестным» лесом, «синеющим в пороховом дыму», и перед ним возникает высокий образ надмирного мира, укрывающего своим прекрасным челом зло земной вражды:

*А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы... и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет! Небо ясно,
Под небом много места всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»*

Так выявляется центр триумvirатного треугольника – мыслитель: поэт Лермонтов – это и глубокий сакральный мыслитель, постигающий историю мира земного как хронику борьбы со злом, вездённым в человеческую сущность...

В силу этой же человеческой сущности вся поэзия и проза российского гения обнажает её и вопиет к человеку, оставляя за собой право и возможность быть наедине пред Творцом мира сего.

«Выхожу один я на дорогу...» – успеваешь перед своей гибелью поведать нам Лермонтов.

Размышление о встрече

Ты сказал:
– И всё-таки они однажды встретились.

Я промолчал. И ты продолжил:
– Молчишь... Вот и тогда промолчали... А они встретились... Пушкину та встреча была нужна.

И я воскликнул:
– Вот как! Даже нужна! И с какой это стати она стала ему нужна? Объясни, если сможешь...

Ты даже слегка отвернулся от меня: я понимал, что то, что ты хочешь сейчас сообщить мне, ты давно вынашивал в себе. И ты сказал:

– Смогу. Известно, что в последние месяцы своей жизни Пушкин вынашивал, я бы сказал, выращивал идею нового журнала, можно сказать, страдал ею. Он этот журнал не просто задумал, он его видел, видел и как литератор, и как редактор, и как издатель, но и как пророк–провидец–мессия, и он мысленно в это видение вводил самых талантливых российских словесников; он отслеживал авторов, он зондировал их творчество своей гениальной прозорливостью, своим чутьём, а коли так, миновать Лермонтова он не мог! Посуди сам: к этому времени, к зиме 36–37 года Лермонтовым были уже сочинены, я как-то сделал такую выкладку по годам, три драмы, пятнадцать (!) поэм,

включая пять вариантов «Демона», и такие стихотворные шедевры, как «Еврейская мелодия» и «Русалка», «Парус» и «Два великана», «Эпитафия» и «Нет, я не Байрон, я другой», «Из Андрея Шенье» и «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» и ещё и ещё...

И даже если многое из сочиненного ещё не было издано, то нам известно, что в рукописном исполнении они расходились среди читающей публики. Следовательно, Пушкин их читал и вникал в гений молодого литератора. И, думаю, с какого-то момента, предположим, прочитав «Опять народные витии...», он стал искать встречи с автором. А Петербург той поры ненамного превосходил мои родные Чебоксары, светская тусовка смыкалась вполне определённым светским кругом, и встретиться на балу у Энгельгардов–Карамзиных–княгини Шаховской или в картёжной кампании у братьев Безобразовых, или в театре на спектаклях по Шиллеру–Шекспиру–Бомарше вполне допустимо, и однажды они встретились и познакомились и как-то, скажем, пробно пообщались.

– Что ж, пожалуй, твоё обоснование их встречи заслуживает размышления, и давай представим её.

– Где?

– Ну прикинем варианты. Начнем с первого, с бала.

– Вполне представимо. Светский раут. Мельтешение графов, князей, баронов, офицеров разных мастей и дам, жаждущих страстей, среди них Пушкин с женой, мужики за ней волочатся. Пушкину – морока сердечная, к тому же, их природная несообразность на виду. Пожалуй, Пушкину не до Лермонтова...

– Смотрим следующий вариант: карточная игра.

– Да, начнём с того, что Пушкин с юных лет – частый участник картёжных баталей с гусарами–корнетами–уланами–драгунами и прочими чинами и нечинами тоже.

– Это так, но, с другой стороны, Лермонтов как картёжник биографами не помечен; всё же картёжный кураж, скорее, от беса, но не от демона, тем более лермонтовского, вспомни его образ: «То не был ада дух ужасный/ Порочный мученик, о нет!/ Он был похож на вечер ясный/ Ни день, ни ночь – ни мрак, ни свет». За картёжным столом поэты скорее всего не встречались.

– Двигаем дальше, в театр?

– Да. Что нам известно в этой версии? Пушкин к драматургам российским тяготения не испытывал. А что Лермонтов? Написаны три драмы и самая востребованная в театрах – «Маскарад». Драматический театр, несомненно, Лермонтова привлекал, и мы вправе предположить их встречу в театре, к примеру, на «Разбойниках» Шиллера, известно – эта драма привлекала Лермонтова. Представим, что кто-то, знакомый им обоим, скажем, тот же Краевский, издатель и редактор «Отечественных записок», в антракте догадался представить корнета, сочиняющего стихи, поэмы и даже пьесы, первому поэту России.

Познакомились воочию. Каким представить их общение? Лермонтов, в силу обожания Пушкина, преклонения перед его творческим даром, скорее всего, больше помалкивал! Пушкин же, наоборот, что-то говорил, спрашивал... не исключено, делился замыслом журнала, его мессийностью, может быть, предложил корнету подобрать какое-нибудь сочинение, сообразное идее или, как бы сегодня сказали, концепции

журнала, или сочинить новое, и даже посоветовал или намекнул на тему, как это было в случае с Гоголем, с его «Мёртвыми душами».

Приговорённые к гибели

А Лермонтов не просто слушает, а внимает словам Пушкина, возможно, слышит в них некий зов свыше, но орфический по земной сути. Он всматривается в живое, излучающее энергию страсти лицо любимого поэта; он ничего ему не обещает, более того – он незаметно покидает театр, осознавая не без тревоги свою неуступчивость тому, к чему призывал его Пушкин, с олимпийским любопытством вззирающий на собеседника.

Лермонтов возвращается на Кавказ – к «Демону», «Мицыри», к Печорину и Грушницкому, к своему убийце Мартынову...

И ты сказал:

– Хорошо, что они не встретились.

– Объясни... – настоял я.

– У поэтов, приговорённых судьбой к гибели на дуэли, смирение перед смертью должно пребывать в фазе глубокой интимности, когда всё живоносное в их творчестве очищается от ядовитого страха небытия; тогда и обнаруживается, что «есть сила благодатная в созвучии слов живых/ и дышит непонятная святая прелесть в них».

– Значит, они не встретились.

– Хм-м-м, но они встречаются.

– То есть?

– Они встречаются в нас.

– И нам остается быть посредниками тех встреч...

– И, возможно, с нас за это спрашивается.

– Возможно. Семьсот и двести.

Продолжение следует.